

[8, с. 125], так и весь ряд значений слова «тоска», выделенных нами ранее, отражает лишь часть того единого, целого и всеобъемлющего понятия, которое лежит в основе значения этого слова в идиостиле Анненского.

Итак, несмотря на значительное воздействие эстетики романтизма на философию творчества Анненского, трактовка идеи Души в его идиостиле существенно отличается от романтической. Стремление к более тонкой нюансировке, полутонам, оттенкам в данном случае выразилось в том, что единое романтическое понятие «тоска» (платоновское «*pothōi*») расщепляется в лирике поэта на три взаимоперекрецающихся, но несливающихся понятия: тоска — му́ка — скука.

Слово «мука» впервые употреблено в эпиграфе к сборнику «Тихие песни»:

Из заветного фиала
В эти песни пролита...
Но, увы! не красота,
Только *мука идеала!*

Эти строки — слегка видоизмененный второй катрен стихотворения «Не могу понять, не знаю»:

Из разбитого фиала
Всюду в мире разлита
Или *мука идеала*,
Или *муки красота*.

Употребление словосочетаний «мука идеала» и «муки красота» в сходных контекстах: «идеологическом» эпиграфе к первому сборнику стихотворений и в произведении, посвященном Полю Верлену — любимому поэту Анненского, под чьим влиянием во многом сформировался его собственный стиль, метод и образный мир, позволяет заключить, что основным значением слова «мука» для Анненского является фразеологически связанное переносное значение, возникающее в сочетании «муки творчества»: «И было *мукою* для них / Что людям *музыкой* казалось» («Смычок и струны»); «Недосказанность *песни и муки*» («В ароматном краю...»); «мучительными» названы три сонета, посвященные поэтическому описанию процесса творчества и самим стихам — «больным детям» поэта («Третий мучительный сонет»).

В ряде случаев значение слова «мука» сближается со значением слова «тоска» и непосредственно восходит к платоновскому «*pothōi*»: «А в стражах бледного Эреба / Окаменело столько *мук*» («Сирень на камне»), «Где сердце — счетчик *муки*, / Машинка для чудес» («Будильник»).

Слово «скука» стоит несколько особняком в анализируемой триаде сущностей философии творчества Анненского. Наиболее явно «идеологическое» значение этого слова выражено в стихотворении «В открытые окна»:

Не *Скуки* ль там Циклоп залег,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголек
В закрытый глаз его нацелен?

Как показал Е. Беренштейн [10], первоначально сборник «Тихие песни» должен был называться «Из пещеры Полифема», т. е. циклоп, упоминаемый в стихотворении, приобретал в идиостиле Анненского черты собственно авторской мифологемы, лишь генетически (посредством аллюзии) связанной с Полифемом Гомера. Жизнь людей уподоблялась плену спутников Одиссея в пещере людоеда и лишь творчество (см. эпиграф к сборнику, который не был изменен при перемене заглавия) могло помочь людям